

УДК 821.161.1

**ФАНДОРИН И ОНЕГИН: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ  
«РОМАНА В СТИХАХ» А. С. ПУШКИНА  
И РАССКАЗА «СИГУМО» Б. АКУНИНА**

**К. Ф. Герейханова**

Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова  
*кафедра истории журналистики и литературы*

Статья посвящена вопросу об интертекстуальных переключках между рассказом Б. Акунина «Сигумо» и романом А. С. Пушкина «Евгений Онегин». В статье подробно рассматривается сцена похорон Мэйтана, которая содержит в себе отсылки к сцене сна Татьяны в «Евгении Онегине».

**Ключевые слова:** *интертекст, аллюзия, Б. Акунин, А. С. Пушкин, интертекстуальные связи.*

Б. Акунин с удовольствием вступает в игру с читателем, используя интертекстуальные связи с различными произведениями русской и мировой литературы [3]. В ряде случаев, как в сборнике «Нефритовые четки», он последовательно использует отсылки к различным писателям, для удобства читателя даже перечислив их в начале в том порядке, в котором построены связанные с их творчеством рассказы. Первым в списке тех, кому посвящен сборник «Нефритовые четки», стоит Санъютей Энтё – японский автор XIX века, прославившийся книгой «Пионовый фонарь» [5]. Отсылкой к его творчеству является рассказ «Сигумо», посвященный попыткам Фандорина поймать оборотня-сигумо, высосавшего кровь из отшельника Мэйтана.

«Пионовый фонарь» написан в жанре кайдана – рассказа о мистических сущностях, разыгрываемого в театре. Сам Энтё был актером, сочинял пьесы и играл в них, и «Пионовый фонарь» вырос из таких пьес. В основу сюжета легла легенда о призраке женщины с пионовым фонарем, преследующей своего возлюбленного. «Сигумо» Акунина формально соответствует канонам жанра: в рассказе принимает участие таинственный оборотень, и, хотя впоследствии ситуация разрешается вполне рационалистическим образом, в рассказе присутствует достаточно большой пласт информации, связанной с японской мистикой.

При этом автор открыто демонстрирует читателю данную интертекстуальную связь с японской литературой. Однако «Пионовый фонарь» – не единственный текст, с которым связан «Сигумо»: в рассказ включены аллюзии и к другим произведениям.

Одной из таких аллюзий является, по нашему мнению, отсылка к тексту романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Рассказ «Сигумо» открывается сценой похорон Мэйтана, на которых волею случая собрались самые разные люди, которых объединяет не столько любовь к покойному, сколько физическое уродство, – Эраст Фандорин называет про себя эту компанию «конгресс инвалидов» [1]. На похоронах присутствуют, кроме Фандорина, безутешная вдова, впоследствии оказавшаяся убийцей; парализованная дочь покойного, полурусская, полу-японка; уродливая Эми Тэрада, женщина с головой взрослого человека и телом четырехлет-

ней девочки; носильщик Эми Тэрады, слуга Кэнкити, отличающийся богатырским ростом; отец Согэн, настоятель монастыря, в котором проживал Мэйтан; служба монастыря Араки; кладбищенский сторож Сильвестер, одноногий инвалид в матросской одежде.

В тексте «Евгения Онегина» также присутствует сцена, которую можно охарактеризовать как «сборище чудовищ на похоронах»: это фантазмагорический сон Татьяны. Когда Татьяна собирается гадать на суженого, в ночи ей снится страшный медведь, приводящий ее в хижину, в которой «за дверью крик и звон стакана, / Как на больших похоронах» [3, с. 109]. Заглянув в щелку, Татьяна видит «чудовище в рогах с собачьей мордой», «чудовище с петушьей головой», «ведьму с козьей бородой», остов «чопорный и гордый» и т. д. [4, с. 110–111].

Некоторые участники сборища на похоронах Мэйтана соответствуют участникам страшного сна Татьяны. Вдова Мэйтана по праву может быть названа ведьмой – не только потому, что она опоила мужа сонным зельем и выпустила из него всю кровь, но и потому, что ее главной обязанностью по отношению к мужу было приготовление ему кувшинчика подогретого сакэ, которое, как явствует из текста рассказа, в монастыре было принято называть «ведьминым кипятком» [1, с. 7].

Карла – это, конечно, ужасающая Эми Тэрада, являющаяся именно карликом, а не лилипутом. Фандорин не единожды обращает внимание на диспропорциональность ее тела, а из ее рассказа явствует, что она родилась и росла нормальной, но в четыре года ее рост остановился, в чем она винит оборотня Сигумо [Там же, с. 10]. И карла именно «с хвостиком»: на застолье, последовавшем после похорон, Фандорин мысленно сравнивает ее с головастиком [Там же, с. 9].

Чопорный и гордый остов, то есть скелет – главный участник похорон, сам покойник. О его гордости, дерзком желании стать Буддой на земле и чопорности рассказывает его вдова. К моменту похорон от трупа действительно остается только «остов», – по буддийскому обычаю, хоронят пепел Мэйтана, перемешанный с несгоревшими костями [Там же, с. 5]. Подобные сопоставления уместны и относительно других участников похорон, хотя некоторые из них не так очевидно соответствуют участникам кошмарного сна Татьяны у А. С. Пушкина.

«Череп на гусиной шее» «в красном колпаке» [4, с. 110] из «Евгения Онегина» ассоциируется с настоятелем монастыря преподобным отцом Согэном. Его голова краснеет от выпитого сакэ, однако в данном случае важнее не цвет, а описание действий и рассуждений персонажа. Отец Согэн в рассказе – источник информации о буддизме и приличествующих случаю изречений, он все время участвует в диалоге в роли «умной головы». Кроме того, он фактически является головой – главой монастыря, и именно он принимает все ключевые решения: сжечь келью Мэйтана и бочку, в которой он умер (что затрудняет расследование).

В таком случае Эраст Петрович Фандорин соответствует главному действующему лицу, Евгению Онегину. Б. Акунин в интервью характеризовал своего героя как «20 % Печорина + 30 % князя Мышкина + 10 % Андрея Болконского + 15 % полковника Най-Турса + 5 % агента Купера + 8 % собственной рецептуры» [2]. Печорин в качестве источника назван, Онегин – нет, но с момента появления статьи В. Г. Белинского «Герой нашего времени. Сочинение М. Ю. Лермонтова» Печорин мыслится как продолжение Онегина, его переосмысление в категориях другой эпохи. Помимо связи этого персонажа с «лишними людьми» русской литературы, на которую обращает внимание автор, есть и еще одна черта, роднящая этого героя с Онегиным в сне Татьяны. Фандорин – герой всей книги «Нефритовые четки», а

история с Сигумо – это лишь эпизод в его биографии. Также и Евгений Онегин является главным героем в одноименном романе, а его появление в сне Татьяны – лишь один из эпизодов сюжета.

На «больших похоронах» у А. С. Пушкина присутствует и еще одно существо – «рак верхом на пауке» [4, с. 110]. У Акунина такое существо отсутствует, однако о пауке говорят на протяжении всего рассказа: Сигумо, по преданиям, является в образе большого паука, Эми Тэрада в детстве также видит его в образе паука [1, с. 12], а когда Фандорин отправляется на ночную охоту, ему также является большой паук [Там же, с. 15].

Если состав участников похорон Мэйтана у Акунина почти полностью повторяет состав участников шумной попойки в хижине, куда Татьяну привел медведь, то следует считать, что никем не признанный оборотень Сигумо все же присутствовал на похоронах того, кого он якобы убил. В рассказе история Мэйтана имела вполне прозаическое объяснение без всякой мистики: его убила собственная жена после того, как он сказал ей, что хочет отправить их парализованную дочь в приют. Однако это не означает, что оборотня Сигумо не существует вовсе: в конце концов, Эми Тэрада действительно стала карлицей после некоего заболевания, и ее объяснение – Сигумо высосал из нее все жизненные соки – вполне имеет право на существование. В традиции японского кайдана, к которому обращается Акунин, мистические существа являются полноценными участниками сюжета, пусть и не главными действующими лицами.

Помимо частной аллюзии к «Евгению Онегину» в «Сигумо», в фандоринском цикле можно увидеть более широкую отсылку к «энциклопедии русской жизни». Сюжет «Сигумо» относится к японскому периоду жизни Фандорина, – рассказ является «спин-оффом» романа «Алмазная колесница», в котором сюжет «я другому отдана и буду век ему верна» разыгрывается с японским колоритом: влюбленная в Фандорина дочь главы клана японских синоби не может себе позволить остаться с любимым, так как он «гайдзин», то есть иностранец, и, несмотря на сильнейшие чувства к нему, ей приходится инсценировать собственную смерть, чтобы безутешный Фандорин ушел из ее жизни. Еще до трагической гибели возлюбленной в разговоре с Мидори Фандорин сам признается, что ему нравится «Евгений Онегин». В других произведениях «фандоринского цикла» Фандорин, как и Онегин, часто отказывается от соблазна готовых отдаться ему женщин из соображений порядочности и нравственности – так, в «Турецком гамбите» он отказывается от притязаний на Вареньку, которую ждет жених, а в «Любовнице Смерти» такие же отношения складываются с Машей-Коломбиной.

Похороны Мэйтана у Акунина открывают не только рассказ «Сигумо», но и весь сборник «Нефритовые четки» и также в некотором роде являются предсказанием дальнейших сюжетов: Фандорин постоянно пребывает «среди чудовищ» – преступников, безнравственных людей. «Сигумо» относится к достаточно раннему периоду расследований Фандорина, и его пребывание на «конгрессе инвалидов» – это нахождение среди самых разных людей, исполненных злых намерений. Кроме монахов буддийского монастыря, все герои рассказа так или иначе воплощают зло: тихая убийца Сатоко, готовая на все ради дочери, сквернослов и пьяница Сильвестер, дважды пытающийся зарезать Фандорина, слуга Кэнкити, слепо преданный своей госпоже, ударивший Фандорина по голове только из-за того, что ему показалось, будто Фандорин обидел Эми Тэраду, и, наконец, сама уродливая Эми Тэрада, озлобленная на всех и съедаемая жадным любопытством.

В «Сигумо» три человека пытаются убить Фандорина: Сатоко хочет пронзить ему шею той же заколкой, которой она убила мужа (но в последний момент у нее не хватает решимости); Сильвестер показывает Фандорину нож, когда происходит скандал на похоронах, и затем бросается на него в ночь поисков Сигумо. Наконец, слуга Кэнкити пытается убить Фандорина, как только тот бросает косой взгляд на обожаемую слугой госпожу. Эми Тэрада физически не способна убить взрослого мужчину, но косвенно способствует этому.

В последующих текстах Фандорин повстречает все эти типы убийц еще не раз: ненависть и неприязнь к нему будет испытывать слепой преданный семье своих господ дворецкий Афанасий Зюкин; в «московских» приключениях герой будет неоднократно сталкиваться с угрожающими убить его пьяницами и сквернословьями, а сюжет с морально уродливым и озлобленным на весь мир человеком будет воспроизведен в «Декораторе».

Рассказ о Сигумо входит не только в сборник «Нефритовые четки», но и в сборник «Кладбищенские истории», напечатанный под двумя именами – Борис Акунин и Григорий Чхартишвили. От имени Акунина написаны мистические рассказы о различных кладбищах, от имени Чхартишвили – описание истории этих кладбищ и связанных с ними легенд. В аннотации к «Нефритовым четкам» автор подчеркивает тот факт, что «Сигумо» – единственный текст, созданный им ранее и с другой целью, а затем «перекочевавший» в этот сборник [Там же, с. 1]. Иными словами, текст «Сигумо» действительно стал в некотором роде предсказывающим – из одного рассказа, созданного не только как занимательная история о кладбище, но и как интертекстуальная игра с кайданом японского автора, появился целый сборник, представляющий собой, по сути, явление Фандорина в разных жанрах детектива. Можно сделать вывод, что рассказ «Сигумо» заложил основные координаты развития сборника и его мотивов, став, таким образом, «предсказанием» его содержания.

#### Список литературы

1. Акунин Б. Нефритовые четки [Электронный ресурс] // Освіта Харкова. URL: <http://www.kharkivosvita.net.ua/files/nefrit.pdf>. (Дата обращения 27.12.2017.)
2. Корсаков Д. Из чего только сделан Фандорин [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/26531/3548265/>. (Дата обращения 27.12.2017.)
3. Пономарева Ю. В. «Левиафан» Б. Акунина как исторический герметичный детектив // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 228–233.
4. Пушкин А. С. Евгений Онегин. М.: Московский рабочий, 1958. 458 с.
5. Саньютей Э. Пионовый фонарь. М.: Евразия, 2001. 288 с.

#### FANDORIN AND ONEGIN: INTERTEXTUAL LINKS OF PUSHKIN'S NOVEL IN VERSES AND B. AKUNIN'S STORY "SIGUMO"

**K. F. Gereychanova**

*Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboedov  
Department of History of Journalism and Literature*

The article is devoted to the problem of intertextual links between Pushkin's novel "Evgeniy Onegin" and Boris Akunin's story "Sigumo". The scene of Meitan's funeral

is analyzed in details, and the article shows that the number of persons which participate in this scene create an allusion to Tatyana's dream in the novel "Evgeniy Onegin".

**Keywords:** *intertext, allusion, B. Akunin, A. S. Pushkin, intertextual ties.*

*Об авторе:*

ГЕРЕЙХАНОВА Камилла Фезамеддиновна – аспирант кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (111024, Москва, ш. Энтузиастов, 21), e-mail: kamilla@adm.iile.ru.

*About the author:*

GEREIKHANOVA Camille Hesameddini – Postgraduate Student at the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboyedov (111024, Moscow, Enthusiastov shosse, 21), e-mail: kamilla@adm.iile.ru.